

О «КАПЛЕ КРОВИ» В СТРАНАХ АМЕРИКИ

[расовая принадлежность:
социальный и биологический аспекты]

Нации в странах Америки сформировались, как известно, в процессе физического и культурного смешения людей, представлявших все три основные человеческие расы: монголоидную, европеоидную и негроидную. Однако и результаты самого этого процесса, и характер современных расовых отношений в этих странах оказались различными. Сложилась даже поговорка о том, что в США достаточно иметь человеку «каплю черной крови», чтобы считаться негром, а в Латинской Америке — «каплю белой крови», чтобы считаться белым. На вопрос, почему так случилось, ответить совсем не просто. Попытаемся осветить хотя бы некоторые факторы, обусловившие такую ситуацию.

В первой половине XVI в. конкистадоры и их солдаты, испанские чиновники и многие колонисты приезжали в Новый Свет, будучи неженатыми либо оставив жен в Испании. Результатом было сожительство, а иногда и брак с индейками. Со второй половины XVI в. в этом процессе мисцегенации — физического межрасового смешения населения Нового Света — активное участие приняли и африканцы, миллионы которых были ввезены сюда в качестве рабов. Их ввозили почти во все колонии европейских держав в Западном полушарии и в возникшие там независимые государства, причем начиналась мисцегенация еще перед отправкой черных рабов из Африки и во время перевозки их в Америку, поскольку белый персонал работорговцев имел доступ к рабыням как в факториях и компаундах на африканском побережье, так и на работорговых судах¹.

В Новом Свете черные рабы использовались прежде всего в рудниках и на тяжелых полевых работах, поэтому женщин и детей, считавшихся менее ценным «товаром», среди рабов было меньше: обычно привозили одну африканку на два-три африканца. Неудивительно, что последние, оказавшись перед той же проблемой, что и испанцы, — нехваткой женщин «своей расы», вынуждены были искать выход в сексуальных отношениях с индейками. А поскольку индейки и родившиеся у них дети считались свободными, то в испанских и португальских колониях негры даже стремились жениться на индейках, чтобы их дети от таких браков — самбо — были свободными. Черные женщины также сожительствовали с индейцами.

Католическая церковь и местные власти в колониях всячески боролись как с конкубинатом испанцев, так и особенно жестоко с сожительством негров и индейцев. Но все усилия властей и церкви оказались тщетными. Х. Хуан и А. де Ульоа, морские офицеры, посетившие в XVIII в. вице-королевство Перу, в своих «Секретных записках об Америке» сообщали, что межрасовый конкубинат распространен там очень широко, и темнокожих конкубин, почти не скрывая этого, содержат даже монахи и священники².

В связи с тем что соотношение полов среди ввозимых в Новый Свет рабов-африканцев в XVII—XVIII вв. в среднем почти не менялось, нехватка негритянок лишь увеличивала масштабы афро-индейских связей. Результатом этого происходившего различными путями, но чаще в форме внебрачных связей, интенсивного процесса расового смешения был такой быстрый рост гибридного, или «цветного», в основном свободного населения, что уже к XVIII в. во многих частях континентальной Испанской

¹ Myrdal G. An American Dilemma. N. Y., 1944. P. 123—124; Mörner M. Race Mixture in the History of Latin America. Boston, 1967. P. 36.

² Juan J., Ulloa A. de. Noticias secretas de América. Buenos Aires (далее — В. А.), 1953. P. 375.

Америки оно превысило число рабов³. Однако социальный статус представителей разных групп смешанного населения был неодинаков. Дети негров от индейцев по-прежнему рождались свободными и были главным источником пополнения группы самбо. Такова же была и судьба метисов — детей испанцев от индейцев, остававшихся с матерью. Дети же черной рабыни от индейца рождались рабами. Дети рабыни от хозяина-испанца — мулаты — также рождались рабами, но с шансами на более мягкие условия рабства, а в отдельных случаях (если отец любил ребенка) — и на свободу.

В Испанской Америке, как и в других колониях Нового Света, сформировалось огромное по численности расово-смешанное население при большей или меньшей от региона к региону гетерогенности в его расовой композиции. А поскольку в Испанской Америке уже с XVI—XVII вв. расовая принадлежность была теснейшим образом связана с социальным статусом, то в колониальном обществе возник так называемый «режим каст», т. е. детально разработанная иерархия расовых категорий (каждая со своими отличиями и оттенками) — от «чистых» негроидов или индейцев через множество различного рода смешанных категорий родословных до «американских испанцев» (креолов) и лиц «чисто» испанского происхождения⁴. В Новой Испании, в частности, эта иерархия насчитывала 46, а в вице-королевстве Перу — 14 таких категорий⁵. Корона и церковь в конце концов вынуждены были признать сложившееся положение и соответствующим образом приспособиться к нему⁶.

В Бразилии процесс расового смешения в XVI — начале XIX в., несмотря на запрещение брака португальца с рабыней, охватил почти все слои рабовладельческого общества и происходил столь интенсивно, что появился даже термин «бразильская раса», означавший «смесь негра и белого с примесью индейца»⁷. Однако тут не было столь жесткой системы «каст», как в Испанской Америке.

Во Французской Вест-Индии, в отличие от испанских и португальских колоний, индейцев в XVII в. уже не было, но нехватка белых женщин также вела к широкому, преимущественно внебрачному, межрасовым связям. В Сан-Доминго, несмотря на суровый режим рабства, konkubinат французов с негритянками и мулатками, в основном рабынями, принял, как и в испанских и португальских колониях, широкие масштабы. Менее чем за один век — с 1697 г., когда колония формально перешла от Испании к Франции, до 1791 г. — там сложилось достаточно многочисленное «промежуточное» по своему физическому типу и социальному статусу мулатское население. Хотя дети рабынь и здесь рождались рабами, мулаты считались ближе к европейцам, чем к африканцам, что, по-видимому, с самого начала давало большие шансы на обретение в будущем свободы. Поскольку мулаты были тут в основном отпрысками плантаторов-рабовладельцев либо чиновников колониальной администрации, то последние нередко стремились обеспечить своим «незаконным» детям свободу и образование. Результатом было создание в Сан-Доминго, а также в принадлежавшей Франции до 1803 г. Луизиане «цветовой иерархии», включавшей ряд категорий в зависимости от доли негритянской крови⁸.

³ Aguirre Beltrán G. La población negra de México, 1518—1810. México, 1946. P. 253; Foner P. S. History of Black America. Westport, 1975. P. 165, 170.

⁴ Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 34—37, 123; Hispanic American Historical Review (далее — H.A.H.R.). August 1944. V. 24. № 3. P. 375, 533.

⁵ Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América, 1492—1950. T. 2. B. A., 1954. P. 173—179; Aguirre Beltrán G. Op. cit. P. 175—178; Varallanos J. Cholo y el Peru. B. A., 1962. P. 66—70.

⁶ Aguirre Beltrán G. Op. cit. P. 253; Möner M. Op. cit. P. 39.

⁷ Zelinsky W. The Historical Geography of the Negro Population of Latin America// J. Negro History. April 1949. V. 34. № 2. P. 170—171; Foner P. S. Op. cit. P. 173, 178—179.

⁸ Neither Slave Nor Free. Baltimore, 1972. P. 7; Beard J. R. The Life of Thousaint L'Ouverture, the Negro Patriot of Hayti. L., 1853. P. 324; McCloy S. T. The Negro in the French West Indies. Kentucky, 1966. P. 33; Hall G. M. Social Control in Slave Plantation Societies. Baltimore, 1974. P. 142, 146.

В Британской Вест-Индии межрасовые браки были еще более редким явлением, чем в Сан-Доминго. Однако не только случайные, но и регулярные внебрачные связи были также широко распространены. В большинстве случаев отцами отпрысков черных и «цветных» конкубин (свободных и рабынь) были плантаторы и их сыновья либо чиновники колониальной администрации, поэтому и тут возникла значительная группа свободных мулатов. Так, на Ямайке в середине XVIII в. они составляли более $\frac{2}{3}$ всего свободного населения⁹.

В североамериканских колониях Англии законодательство строго запрещало не только межрасовые браки, но и внебрачные связи, однако как на плантациях, так и в городах последние были широко распространены. Поскольку нехватка белых женщин здесь не было, а рабы и рабыни никогда не составляли большинства населения, то относительные масштабы мисцегенации были не столь велики, как в Бразилии и многих других колониях, но социальный статус мулатов тут, а позже и в США был иным. Во-первых, большинство мулатов оставались рабами, и, по официальным данным, даже накануне Гражданской войны (1861—1865 гг.) лишь четверть их были свободными. Во-вторых, социальный статус свободных мулатов здесь в отличие от колоний Испании и Португалии в Новом Свете не отличался (за редким исключением) от социального статуса свободных негров. Объяснения этому феномену даются различные. Одно из них, в частности, состоит в том, что в Британской Северной Америке большинство мулатов было «продуктом» браков и внебрачных связей между белыми сервентами — кабальными слугами на срок — и черными рабынями (либо между неграми и белыми служанками). Именно этот изначальный низкий статус белого отца обусловил пониженное социально-расовое положение группы свободных мулатов там, а затем, с конца XVIII в., и в США. Между тем в Британской Вест-Индии, где белых женщин было мало, группа свободных мулатов состояла в значительной части из сыновей плантаторов и других привилегированных белых, что обусловило с самого начала более высокий социально-расовый статус ее по сравнению с группой свободных негров¹⁰.

Другое объяснение — наличие в Британской Северной Америке, а затем и на Юге США большой (превышавшей по численности класс рабов) группы «белых бедняков», конкуренция которых помешала группе свободных мулатов занять там такое же положение в социально-расовой структуре рабовладельческого общества, как в остальных колониях и странах Америки¹¹.

Таким образом, межрасовое смешение в форме институционализированного конкубината между женщинами подчиненных социальных и расовых групп и мужчинами господствующей социальной и расовой группы было повсюду принято последней как одна из ее прерогатив и форм эксплуатации. Отпрыски таких внебрачных союзов либо ассимилировались подчиненной группой (часто с некоторым привилегированным положением внутри нее), либо постепенно образовывали отдельную промежуточную группу как по расовому происхождению и облику, так и по своему социальному статусу, качественно отличному от статуса и рабов, и хозяев. Иногда потомкам представителей этой группы удавалось приобрести полные гражданские права, а в отдельных случаях даже вся группа достигала статуса, гораздо более близкого к статусу рабовладельцев, чем рабов (в XVIII в. — «свободный цветной народ» в Сан-Доминго, а в конце XVIII—XIX в. — свободные мулаты в голландском Суринаме).

Если в ряде колоний нехватка белых женщин и способствовала внебрачным связям белых мужчин с небелыми женщинами, то к полному социальному приятию последних белыми мужчинами в британских, французских, голландских, датских колониях это не привело. Социальная приемлемость брачного партнера даже из светлых «цветных» явно

⁹ Hoetink H. *Slavery and Race Relations in the Americas*. N. Y., 1973. P. 12.

¹⁰ Horowitz D. L. *Color Differentiation in American Systems of Slavery*//J. *Interdisciplinary History*. 1973. V. 3. № 3 (Winter). P. 526—529.

¹¹ Hoetink H. *Op. cit.* P. 14—15, 36—37.

различалась в колониях иберийских и неиберийских стран. На выбор того, кто должен был родить социально признанных детей, влияли более глубокие, сокровенные соображения, в том числе и такой социально определяемый эстетический фактор, как различное восприятие того, кто является белым, разное представление о соматической «норме». Многие лица, определяемые как мулаты в британских или голландских колониях, в испанских или португальских рассматривались бы как социально равные и приемлемые в качестве брачного партнера, соответствующего представлению о соматической норме «белого человека». К тому же первоначальный белый испанский или португальский образ неизбежно должен был со временем потускнеть благодаря длительному процессу поглощения «белой» группой в иберийских колониях светлых «цветных»¹².

«Логическим следствием латиноамериканской концепции,— писал в этой связи пуэрториканский исследователь Э. Седя Бонилля,— является то обстоятельство, что, хотя социальная дистанция между такими противоположными группами, как белые и черные, является огромной, социальная дистанция между смежными промежуточными категориями не столь заметна... Она гораздо меньше, чем между двумя полюсами в этой цепочке... Как результат „терпимости“ в отношениях между смежными категориями существует заметная тенденция к расовому смешению между лицами смежных категорий таким образом, чтобы отпрыски были более приемлемы в обществе. И эта обусловленная существованием расовых предрассудков гипогамия направлена на „побеление“»¹³.

Расовая эндогамия белого населения в колониях иберийских стран была, таким образом, гораздо менее жесткой, и поэтому там со временем возник своего рода «альянс» между белыми и светлыми «цветными», сделавший невозможной открытую дискриминацию группы «цветных» в целом. Что же касается колоний неиберийских стран и США, то расовая эндогамия белого населения здесь была весьма жесткой, и в межрасовые браки белые вступали очень редко¹⁴.

Рабовладельцы в Латинской Америке терпели освобождение рабов в индивидуальном порядке — манумиссию, поскольку испанское и бразильское законодательство в XVI—XVII вв. разрешало ее, а церковь даже поощряла. Сложился обычай освобождать завещанием. В Бразилии ребенок рабыни мог быть освобожден при крещении, если кто-либо предлагал установленную за младенца цену. В отличие от испанской и португальской традиций раннего колониального периода английская с самого начала препятствовала манумиссии. Тем не менее рабовладельцы в Британской Вест-Индии и английских колониях Северной Америки иногда освобождали своих наложниц, а отдельным рабам удавалось выкупиться на свободу либо получить ее за участие в войне на стороне Англии. Многие острова в Карибском море по несколько раз переходили от одних держав к другим, и там, где колонизаторы были поглощены борьбой между собой, группам рабов (а на Ямайке в XVII в. даже почти всем им) удавалось добиться свободы¹⁵. Масштабы манумиссии в разных колониях и в разное время менялись. На Юге США, где они и ранее были невелики, законодательные собрания 7 штатов в 30—50-х годах XIX в. приняли законы об изгнании всех фридменов — свободных негров и мулатов, а 13 штатов — о запрещении въезда их¹⁶.

¹² Hoetink H. Op. cit. P. 103.

¹³ Seda Bonilla E. Dos Modelos de Relaciones Raciales: Estados Unidos y América Latina//Revista de ciencias sociales. Diciembre 1968. V. 12. № 4. P. 577. Гипогамия — брак, в котором жена имеет более высокий социальный статус (в данном случае более светлый цвет кожи), чем ее муж.

¹⁴ Neither Slave Nor Free. P. 154—155; Hoetink H. Op. cit. P. 31—32; Нуробург Э. Л. Негры США. М., 1979. С. 18, 111.

¹⁵ Rout L. B. African Experience in Spanish America. N. Y., 1976. P. 167—172, 181; Berlin I. Slaves Without Masters. N. Y., 1976. P. 138—143, 203, 222; Klein H. S. Slavery in Americas: A Comparative Study of Cuba and Virginia. Chicago, 1967. P. 200—201; Patterson O. Slavery and Social Death. Cambridge, 1982. P. 246, 255, 290—291; H.A.H.R. 1974. V. 54. P. 610—611; 1979. V. 59. P. 261, 278—279; Neither Slave Nor Free. P. 8—9.

¹⁶ Нуробург Э. Л. Указ. раб. С. 141, 150; Berlin I. Op. cit. P. 149; Patterson O. Op. cit. P. 259; Lowenthal D. West Indian Societies. L., 1972. P. 45.

Хотя «свободные цветные» появились в Новом Свете почти с самого начала атлантической работорговли, пути становления, темпы роста, относительные размеры этой социально-расовой группы в каждом рабовладельческом обществе и в разное время значительно варьировали. На двух полюсах в этом отношении были, в частности, Пуэрто-Рико, Бразилия, Кюрасао — с высокой долей «свободных цветных» и британские Барбадос, Ямайка, Северная Америка, а позже Юг США — с низкой долей их¹⁷.

В отличие от рабов и белого населения «свободные цветные» были единственной группой, способной увеличиваться прежде всего путем естественного прироста: в Вест-Индии они в конце XVIII — начале XIX в. составляли уже от 5 до 25% населения. К 1820 г. на Ямайке было свободно около 12% негров и мулатов, в Бразилии — 23, на Пуэрто-Рико в 1812 г. — 80, в Новой Гранаде в 1798 г. — 84%¹⁸. Однако контраст между характером роста численности «свободных цветных», с одной стороны, и белой группы, а также рабов — с другой, конечно, был менее заметен в районах с умеренным климатом, и прежде всего в Северной Америке, где численность белых переселенцев из Европы росла гораздо быстрее.

Следует отметить также, что если в ранний колониальный период подавляющее большинство освобожденных от рабства составляли мулаты, то с появлением новых путей освобождения (выкуп себя, награда за героизм в военных действиях и т. д.) в группу «свободных цветных» постепенно вошло и немало негров. Тем не менее тенденция предпочтения светлого оттенка кожи, или «соматически нормативного образа», продолжала сохраняться. Например, в таких районах концентрации негритянского населения Бразилии, как Мараньян и Минас-Жерайс, в 20—30-х годах XIX в. свободны были 3/4 всех мулатов и лишь от 1/8 до 1/6 негров. По данным первой федеральной переписи 1872 г., уже 3/4 всех негроидов в Бразилии были свободны, однако мулатов среди них было намного больше, чем негров¹⁹.

Некоторые авторы утверждали, что в испанской и португальской Америке (в отличие от британских колоний) свободный негр почти не испытывал дискриминации и не встречал особых препятствий для достижения более высокого экономического статуса. Однако в действительности и здесь свободные негры подвергались дискриминации во многих сферах жизни. Их обязывали жить с известным властям хозяином без права покинуть его либо перейти к другому хозяину. Нередко им запрещалось заниматься определенной работой, чтобы не лишить ее белых. Для свободных негров существовали многочисленные ограничения в отношении одежды и украшений, брака, похорон, образования, поведения вне дома и т. д.²⁰

Тем не менее с течением времени и в Испанской Америке, и в Бразилии свободные негры, большинство которых жило в городах, сумели преодолеть некоторые экономические и социальные барьеры; они зарабатывали на жизнь ремеслом, торговлей, искусством, служили в армии, милиции (ополчении), на флоте. В Испанской Америке сначала именно в милиции негров стали называть морено (morenos), а мулатов — пардо (pardos)²¹.

В Британской Вест-Индии, несмотря на противодействие манумиссии, численность свободных негров также росла. Но укоренившееся убеждение в неполноценности африканцев способствовало отношению к свободным неграм как к деградирующей группе людей, стоящих лишь немного

¹⁷ Neither Slave Nor Free. P. 4, 10, 14; *Patterson O.* Op. cit. P. 273, 275.

¹⁸ *Lowenthal D.* Op. cit. P. 46; *Foner P. S.* Op. cit. P. 171; *Comparative Perspectives on Slavery in New World Plantation Societies.* N. Y., 1977. P. 6.

¹⁹ *Foner P. S.* Op. cit. P. 179.

²⁰ *Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantative Studies.* Princeton, 1975. P. 354; *Knight F. W.* The African Dimension in Latin American Societies. N. Y., 1974. P. 43; *Foner P. S.* Op. cit. P. 167, 169.

²¹ *McAlister L. H.* El Fuero Militar in New Spain, 1764—1800//Gainsville. 1957. Ch. IV.

выше рабов. Они были лишены политических и многих других гражданских прав²².

В южных штатах США свободные негры формально не подчинялись бывшему хозяину, но в глазах большинства белого населения их место в обществе от этого не изменилось. Они в основном были заняты в сельском хозяйстве, находились в отчаянном экономическом положении и фактической зависимости. Неслучайно американский исследователь А. Берлин называет их «рабами без хозяев»²³.

Статус и фактическое положение свободных мулатов в рабовладельческих обществах Нового Света также имели свои особенности и менялись во времени. Они зависели от многих факторов: динамики роста, специфики происхождения и доли этой группы жителей во всем населении, численного соотношения с рабами и белыми, характера хозяйства данной колонии и т. д.

В Испанской Америке свободные мулаты хотя и не отождествлялись со свободными «чистыми» неграми, но также страдали от многочисленных унижений и ограничений. Однако при всем этом допускалась определенная социальная мобильность, а некоторые из светлокожих мулатов, получивших благодаря материальной поддержке белых отцов образование и добившихся экономической независимости, сумели даже купить себе доступ в белую группу населения со всеми юридически и практически связанными с этим привилегиями²⁴.

Быстрый рост свободного расово-смешанного населения в условиях численного преобладания рабов над белыми довольно рано побудил колонизаторов использовать свободных мулатов как своего рода буферную группу. Ей вменялось в обязанность выполнение не только определенных экономических и трудовых функций, которые не могли поручить рабам, но и ряда военных задач. Именно свободные мулаты составляли наиболее надежную часть «цветной» милиции, игравшей из-за малочисленности испанских войск важную роль в борьбе с симарронами, поддержании порядка в городах, а также в обороне колоний от пиратов и враждебных держав. Военная зависимость белого населения от свободных мулатов, естественно, заставляла испанцев идти на определенные уступки им.

Однако на Кубе положение свободных мулатов отличалось от положения их в Санто-Доминго (испанская часть о-ва Гаити) или в Пуэрто-Рико, где «свободных цветных» в 1775 г. было в 4,6 раза, а в 1820 г. — почти в 5 раз больше, чем рабов, в том числе мулатов среди «свободных цветных» — соответственно в 11 и в 4 раза больше, чем негров. В связи с этим в Пуэрто-Рико переход светлых мулатов в «белые» осуществить было значительно легче, чем на Кубе²⁵. Тем не менее численность свободного мулатского населения на Кубе увеличивалась, и, как показала кубинский исследователь В. Мартинес Альер, тенденция к «побелению» его в XIX в. продолжала развиваться, поскольку сохранялся старый нормативный соматический образ, и поэтому светлый цвет кожи, облегчая социальную мобильность, определял выбор брачного партнера²⁶.

В Бразилии, как и в испанских колониях, свободным мулатам, несомненно, было легче подниматься по социальной лестнице, чем неграм, и они были здесь мелкими фермерами, владельцами лавок и мастерских, торговцами, квалифицированными ремесленниками, солдатами, актерами, учителями и т. д. А поскольку в результате длительного процесса расового смешения границы между черными и белыми делались все менее отчетливыми, какой-то части светлокожих мулатов удалось преодолеть «цветной» барьер и занять место на нижних ступенях «белого обще-

²² Knight F. W. Op. cit. P. 41—42; Lowenthal D. Op. cit. P. 46; Foner P. S. Op. cit. P. 142—143.

²³ Berlin I. Op. cit. P. XIII, 224.

²⁴ Knight F. W. Op. cit. P. 43; Hoetink H. Op. cit. P. 23; Foner P. S. Op. cit. P. 162.

²⁵ Neither Slave Nor Free. P. 335; Knight F. W. Slave Society in Cuba during the Nineteenth Century. Madison, 1970. P. 179—191.

²⁶ Martinez Alier V. Color, clase y matrimonio en Cuba en el siglo XIX//Revista de Biblioteca Nacional José Martí. Año 59. № 2. La Habana, 1968. P. 68—69, 74—95.

ства». В XIX в., уже в независимой Бразилии, некоторые из них вошли в креольскую аристократию, прославили бразильскую литературу, добились высокого положения при дворе, заняли официальные посты в стране и за границей²⁷.

На Французских Антилах в XVIII в. были приняты меры против освобождения рабов с целью уменьшить численность свободных негров и мулатов. Однако поскольку власти не препятствовали приобретению «свободными цветными» собственности (а многие из них были детьми богатых плантаторов, пользовались их поддержкой, получили хорошее образование), то в Сан-Доминго к 80-м годам XVIII в. свободные мулаты (*affranchis*) владели и управляли сотнями плантаций и десятками тысяч рабов, причем обращались они с ними обычно не менее жестоко, чем плантаторы-французы. По некоторым данным, «свободное цветное» население, насчитывавшее в 1789 г. около 25 тыс. человек, владело в Сан-Доминго третью земли и 20—25% всех рабов²⁸.

Полное отсутствие политических прав при почти равной с белым населением численности и близком к нему экономическом положении вызывало у свободных мулатов стремление к самоутверждению и побуждало к борьбе за равные с белыми гражданские права, за участие в управлении колонией. В конечном счете все эти противоречия привели к тому, что под влиянием идей буржуазной революции, развернувшейся во Франции, «свободные цветные» Сан-Доминго восстали против правления белых, положив начало гаитийской революции, завершившейся как революция рабов.

В Британской Вест-Индии свободным мулатам и их потомкам гражданских прав не давали почти до самой отмены рабства. Правда, на разных островах положение их было неодинаково, однако в XVIII в. оно заметно отличалось от положения свободных мулатов в испанской и португальской Америке. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что хотя Лондон, получив (1797—1802 гг.) от Испании Тринидад, и согласился подтвердить существовавшие там при испанцах права «свободных цветных», британские власти стали немедленно эти права всячески ограничивать²⁹.

Тем не менее и в Британской Вест-Индии свободные мулаты сумели занять промежуточные социально-расовые позиции. Однако здесь не сложилось, как в Сан-Доминго, группы богатых, влиятельных и политически активных мулатов-плантаторов³⁰.

В особом положении оказались свободные мулаты в США, где в отличие от остальных рабовладельческих обществ Нового Света так и не сформировалась промежуточная по своему положению между классами рабов и плантаторов социально-расовая группа «свободных цветных». Правда, в Луизиане в XVIII в., когда она принадлежала Франции, такая группа возникла, а в конце XVIII — начале XIX в. она стала складываться и в южных штатах США, но к 1860 г. повсюду, кроме Луизианы и отдельных анклавов Старого, или Верхнего, Юга (Виргиния, Северная Каролина, Мэриленд), исчезла. Выше уже отмечалось, что одной из основных причин этого была демографическая и социально-экономическая ситуация, существовавшая на Юге США во второй четверти XIX в. Рабы там никогда не составляли более трети населения. Поэтому господствовавшая белая верхушка не нуждалась в промежуточной буферной группе, как это было в вест-индских колониях. Кроме того, быстрое расширение с конца XVIII в. на Юге плантационной системы повлекло за собой вытеснение мелких фермеров с их земель и постоянный рост числа белых бедняков, в социальном восприятии которых главной при-

²⁷ Knight F. W. *The African Dimension...* P. 43; Neither Slave Nor Free. P. 17; Klein H. S. *The Colored Freedman in Brazil* *Slave Society*//J. Social History. V. 3. Fall, 1969, P. 30—32, 41.

²⁸ Mintz S. W. *Caribbean Transformations*. Chicago, 1974. P. 49, 312; Leyburn J. G. *The Haitian People*. New Haven, 1966. P. 18.

²⁹ Horowitz D. L. *Op. cit.* P. 518—519.

³⁰ Ibid. P. 513, 522; Mintz S. W. *Op. cit.* P. 312.

чиной их бедствий стал черный раб. В отличие от колоний Карибского региона именно белые бедняки, а не «свободные цветные» монополизировали в XIX в. промежуточные социальные позиции на сельском Юге США. В городах же Юга, где сконцентрировалось большинство свободных мулатов и негров, они столкнулись с наплывом туда в 30—50-х годах XIX в. не только местных белых бедняков, но также ирландцев, немцев и других иммигрантов из Европы. И те и другие видели в мулатах и неграх экономических конкурентов и в ожесточенной борьбе за рынок труда использовали белый расизм³¹. В результате положение свободных мулатов там постепенно ухудшалось. Они, как и свободные негры, вынуждены были довольствоваться низкооплачиваемым неквалифицированным трудом, который ассоциировался с трудом темнокожих — «негритянской работой».

Следует иметь также в виду, что в Британской Северной Америке мисцегенация уже в XVII в. сурово каралась законом. И хотя на Юге США, как и в других рабовладельческих обществах Нового Света, сексуальная эксплуатация рабынь, освобождение конкубин и их детей от рабства были обычным явлением, в брачных отношениях здесь соблюдалась абсолютная расовая эндогамия. И поскольку разграничение тут шло по линии «белый» — «небелый», то мулатов обычно идентифицировали с неграми³².

Ввоз африканцев в те или иные районы Нового Света определялся прежде всего экономическими факторами — размещением плантационного хозяйства, рудников и т. д. И к XX в. негроидное население оказалось сконцентрировано главным образом в Вест-Индии, на карибском, атлантическом и тихоокеанском побережьях Латинской Америки и на Юге США. В середине XX в. на долю Вест-Индии приходилось 95% негров и мулатов Мезо- (или Средней) Америки, а на долю Бразилии — 76% негров и мулатов Южной Америки. Из 33 млн. негров и мулатов, насчитывавшихся в 1950 г. в Латинской Америке, 27 млн. проживало в этих двух регионах³³.

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что физический критерий, определяющий понятие «негр», и основанное на нем социальное определение этого понятия в разных странах Западного полушария различны. Поэтому статистикой используется обычно социальное определение негра как человека, рассматриваемого в данной стране в качестве принадлежащего к явно отличимой негроидной группе. Именно из этой социальной категории исходят переписчики при проведении переписей населения. Кроме того, неадекватны и сами данные переписей, ибо в них фигурируют термины «негры», «цветные», «черные». Еще менее надежны данные о расово-смешанном и белом населении. Во всяком случае, когда речь идет о Латинской Америке, то доля последнего нередко бывает преувеличена, число мулатов также неуклонно растет, а негров — сокращается. Вот почему ценность этих переписей относительна. Они дают лишь примерное представление о количественных параметрах и соотношении белого, негритянского, индейского и смешанного населения. Что же касается США, то процесс мисцегенации после ликвидации рабства протекал здесь намного слабее, чем в остальных странах Америки, где к тому же потомки негров от смешанных браков постоянно переходили в группу мулатов, а светлые мулаты — в группу «белых».

Дело в том, что расизм оказался одним из самых живучих последствий работорговли и рабства негров в Западном полушарии. Ведь в первые десятилетия колонизации захваченных испанцами и португальцами районов Нового Света в сознании завоевателей и колонистов иден-

³¹ *Patterson O.* Op. cit. P. 258—260; *Hoetink H.* Op. cit. P. 11, 14—19, 33—36; *Neither Slave Nor Free.* P. 16, 260; *Sullivan P.* Catholic Irish in the Deep South//*Ecumene.* 1981. V. 13. P. 42—49; *Нуробург Э. Л.* Указ. раб. С. 138—152.

³² *Hoetink H.* Op. cit. P. 17; *Knight F. W.* The African Dimension... P. 45—46; *Patterson O.* Op. cit. P. 260—261.

³³ Reports and Speeches of the Ninth Yale Conference on Teaching of Social Studies. April 3—4. 1964. New Haven, 1964. P. 3.

тификации между расой и принудительным трудом еще не было. И только по мере расширявшегося ввоза из Африки рабов-негров для работы в рудниках и на плантациях статус поработанного работника стал все более ассоциироваться с негроидами. Поскольку темнокожие прибывали в страны Америки в качестве рабов, взаимосвязь между цветом кожи и положением раба все жестче закреплялась в сознании белых жителей колоний. На протяжении нескольких веков рабство юридически ставило там свои жертвы на самую низкую социальную ступень, и с течением времени цвет кожи стал символизировать самый низкий социальный статус, исторически обусловив социальное восприятие людей с темной кожей как рабов или их потомков.

Совпадение в течение длительного времени классовых различий между рабовладельцами и рабами с расовыми различиями обусловило появление в рабовладельческих обществах Нового Света уже в первые века их развития расовых предрассудков, расистских представлений и стереотипов. В XVII — начале XVIII в. церковники в британских колониях, как известно, оправдывали рабство «проклятием Хама и его потомков». Однако первые известные нам попытки «научно» обосновать расистский тезис о «превосходстве белого человека» относятся лишь к последней четверти XVIII в. В первой половине XIX в. политические лидеры рабовладельцев США, оправдывая рабство негров, уже опирались на труды таких североамериканских философов и социологов, как Т. П. Дьюи, Г. Юз, Д. Фитцхью. Идеологи рабства использовали и утверждения некоторых ученых (С. Мортон, Д. Ханта, Г. Клемма) о том, что человеческие расы неравноценны и черная раса на зоологической лестнице стоит гораздо ниже белой. В 50-х годах XIX в. они взяли на вооружение труды европейских расистов Ж. А. Гобино и А. Вутке, также развивавших теорию биологической неполноценности черной расы³⁴.

Запрещение в США межрасовых браков, так называемые рабские кодексы и связанное с ними законодательство провели четкую социальную грань между черным и белым населением. Расизм стал там идеологией правящей верхушки, старавшейся внушить белым американцам мысль об извечной «расовой неполноценности» черных. Рабство и расизм, оказавшие глубокое влияние на самих американских негров, наложили свой отпечаток и на психологию всей молодой североамериканской нации. Хотя отмена рабства в результате Гражданской войны 1861—1865 гг. принесла неграм свободу, однако в период с 1890 по 1910 г. в южных штатах, где проживало тогда 9/10 негритянского населения США, были приняты новые конституции и законы, лишившие его основных гражданских прав, узаконившие расовую сегрегацию и дискриминацию. Почти 2/3 штатов вновь запретили межрасовые браки.

Расистская концепция «превосходства белого человека» была положена в основу политики правительства, а определения расовой принадлежности имели здесь не биологическое, а социальное, классово-политическое основание. Ведь ввезенные в США африканцы, принадлежавшие к разным племенам и народам, в Америке смешивались не только между собой, но в процессе более чем трехвековой миссегенации — с белым и индейским населением. Поэтому те, кто называют себя сейчас афроамериканцами США, не были и не стали представителями генетически однородной, или гомогенной, общности либо группы. Они в основном — люди расово-смешанного происхождения. Следовательно, это — общность, связанная скорее социальными и культурными чертами. Она не является расой в антропологическом смысле, но восприятие расовых отличий (наряду с искусственно в основном созданными стереотипами и предрассудками) большинством населения создает в США такое представление об афроамериканцах. Принадлежность к социально-расовой категории в этой стране решительно доминирует над уровнем социального положения человека, и, скажем, преуспевающий врач или адвокат афроамериканец рассматривается сначала как черный, а профессиональ-

³⁴ Нитобург Э. Л. Указ. раб. С. 114—118; Расы и общество. М., 1982. С. 221.

ные и «деловые» успехи определяют его положение на социально-экономической шкале только в рамках афроамериканской общности.

С 1950 г. Бюро переписей США относит к неграм «всех лиц, происходящих от смешанных браков между белыми и неграми». Категория «мулат» из статистики исчезла, и «неграми», или «черными», стали считаться многие люди, принадлежавшие скорее к белой, чем к черной, расе³⁵. Принятые в 1960-х годах законы о гражданских правах мало что изменили в экономическом положении большинства афроамериканцев, ибо они продолжают подвергаться фактической расовой дискриминации и сегрегации.

Расовые предрассудки и стереотипы расистского характера в эпоху рабства существовали, конечно, не только в британских колониях, но и во владениях других держав в Новом Свете. Рабы, освобожденные в индивидуальном порядке (а в XIX в. и в результате отмены рабства), включались в уже сложившуюся социально-расовую структуру колониального общества: бывшие рабы-негры оказывались обычно на нижней, а бывшие рабы-мулаты — на промежуточной ступени данной структуры. При этом господствующие белые группы, заинтересованные в существовании такой социально-расовой структуры, использовали для сохранения ее расистские принципы социального отбора, что нашло, в частности, выражение в предпочтении, отдаваемом ими мулатам перед неграми в разных сферах жизни, в том числе в столь существенной, как межрасовые брачные отношения.

Разумеется, отношение белого населения к межрасовым бракам и внебрачным связям в разных колониях варьировало. Как уже отмечалось, это было обусловлено рядом факторов, среди которых важную роль сыграло различие в социальном определении понятия «белый человек». В частности, в британских колониях критерий в данном случае носил «генеалогический» характер — был основан на том, что известно о происхождении человека, и безусловного исключения любого лица с какой-либо примесью африканского происхождения из числа белых. В испанских же колониях и португальской Бразилии критерием служил прежде всего фенотип — физический облик человека. И поскольку испанцы и португальцы в отличие от белых в британских колониях с самого начала отнюдь не избегали брачных союзов с мулатками, в испанских колониях и Бразилии очень рано сложилась весьма дифференцированная социально-расовая стратификация общества с «промежуточной» группой, включавшей ряд подчас почти неуловимо переходящих один в другой «цветовых» оттенков (и соответственно социально-«цветовых» градаций) — от почти чернокожих до самых светлокожих мулатов с европеоидными соматическими чертами. Бразильский социолог Ж. Гарсия-Самор отмечает, что в Бразилии «часто очень трудно, основываясь на физических характеристиках, отличить негра от мулата или мулата от белого»³⁶. И это его замечание можно с некоторыми оговорками отнести почти ко всей Латинской Америке. Такая структура в специальной научной литературе определяется как социально-расовая «непрерывность», тогда как социально-расовая структура, сложившаяся в Британской Вест-Индии, а также во французских и голландских колониях, отличалась отсутствием этой «непрерывности».

В результате, хотя в обеих названных группах колоний (исключая британские владения в Северной Америке) сложилось как будто одинаковое в основном деление на белых, мулатов и черных, социальное определение того, кто приемлем как белый, в этих группах колоний было различным. В частности, существующая в первой группе иерархия неуловимо переходящих одна в другую градаций между белыми и черными привела к тому, что люди, которых в британских, голландских и французских колониях сочли бы светлыми мулатами, в Испанской Америке и Бразилии обычно считались белыми. Естественно, это способствовало

³⁵ Груботин Л. Э. Белые негры//Новая и новейшая история. 1985. № 1. С. 202—205.

³⁶ Garcia-Zamor J. C. Social Mobility of Negroes in Brazil//J. Inter-American Studies and World Affairs. April 1970. V. 12. P. 246.

частоте браков белых со светлыми мулатами и вообще браков между лицами смежных или близких социально-расовых категорий, а тем самым — дальнейшему развитию процессов мисцегенации.

О расистском характере стереотипов и установок новых правящих слоев в странах Латинской Америки после отмены рабства, в XIX — начале XX в., свидетельствуют высказывания их политических деятелей и видных представителей интеллигенции, в которых выражена тревога по поводу «смешанного расового состава» населения. Полагая, что именно это обстоятельство — причина отсталости их стран, и следуя доктринам европейских и североамериканских апологетов концепции «превосходства белого человека», правительства Бразилии, Аргентины, Уругвая, Венесуэлы и ряда других республик в XIX—XX вв. и по этой причине всячески поощряли иммиграцию «чисто белых» переселенцев из Европы.

Однако после второй мировой войны, в обстановке распада колониальной системы и создания «цветными» народами десятков независимых государств в Азии и Африке, ситуация постепенно меняется. Многие местные ученые и политики стали гораздо благоприятнее оценивать историю расовых отношений в странах Латинской Америки, сравнивая ее с историей расовой нетерпимости и дискриминацией людей с темной кожей в США и других районах капиталистического мира.

Но хотя немало мулатов и черных в некоторых из этих стран продвинулись достаточно высоко, сложившиеся ранее социально-расовая стратификация и расовые предрассудки, правда в несколько модифицированной форме и в разной степени, все еще сохраняются. Это обусловлено классовым характером и самой социальной структурой капиталистического многорасового общества, постоянно воспроизводящей традиционные расовые предрассудки и групповые стереотипы. Все еще существующая, особенно у «средних слоев», в большинстве латиноамериканских стран тенденция к «побелению» (*Blanqueamiento*) свидетельствует, что такое соматическое предпочтение едва ли было бы возможным в обстановке, абсолютно лишенной каких бы то ни было расовых предрассудков.

Как показал в свое время опыт Гаити, а ныне — молодых государств англоязычной Вест-Индии, даже свержение или исчезновение белой господствующей расовой группы необязательно автоматически ведет к ликвидации ее норм соматического предпочтения, которые могут поддерживаться оказавшейся у власти небелой группой. Такое, на первый взгляд, парадоксальное явление — результат международной многорасовой стратификации, созданной и все еще сохраняющейся в рамках капиталистической общественной системы.

Треть всего негроидного населения стран Америки в середине XX в. приходилась на долю Бразилии, и около 3/4 его там составляли мулаты и самбо. Как показали работы бразильских и иностранных исследователей, расовые предрассудки и стереотипы, фактическая закамуфлированная расовая дискриминация, а также система ценностей, ориентированная на превосходство всего «белого» в стране, сохранились. И хотя конституция 1946 г. повторно запретила всякую расовую дискриминацию, федеральный конгресс в 1951 г. вынужден был признать, что она существует, и принять еще один, очередной запрещающий ее закон о гражданских правах³⁷.

Отдельных афробразильцев в Бразилии можно встретить на высоких постах в правительстве и местной администрации, в армии, но большинство черного населения все еще занято малоквалифицированным трудом и живет в бедности.

Рассказывая в 1986 г. о своих встречах с «величайшим футболистом всех времен» — бразильцем Пеле, знаменитый западногерманский спортсмен Франц Беккенбауэр приводит слова, сказанные ему Сизиньо — бра-

³⁷ Knight F. W. The African Dimension... P. 47, 84—92; Hoetink H. Op. cit. P. 25; Race and Class in Latin America. N. Y., 1970. P. 136, 140—142, 292, 295, 299; Garcia-Zamor J. C. Op. cit. P. 242—254; Racial Tensions and National Identity. Nashville, 1972. P. 29.

том Пеле: «...В нашей стране живут белые и черные, мулаты и индейцы, португальцы, немцы и японцы. Любой политический деятель будет оспаривать, что у нас есть расизм. Но он существует в скрытом виде, в мелких будничных проявлениях, и многие страдают от дискриминации. Господа были белыми и остаются белыми, а черный останется черным. У Пеле темная кожа, и только слава и деньги делают ее чуть-чуть светлее»³⁸. Один из соотечественников Пеле оценку расовых отношений в своей стране выразил короткой фразой: «В Бразилии не существует никаких расовых предрассудков,— негры знают свое место». Североамериканский социолог Ф. Найт убежден в том, что «ликвидация дискриминации потребует радикальной перестройки структуры бразильского общества»³⁹.

Неизжитая до сих пор и неподвластная законодательству скрытая расовая дискриминация еще более способствовала традиционному стремлению зажиточных и образованных мулатов перейти в число «белых», а богатых негров — в группу мулатов. Проведенное в 1940 г. обследование 500 лиц, называвших себя «белыми», показало, что треть из них — мулаты и метисы европейско-африкано-индейского происхождения. В 1872 г. негры составляли 20, мулаты — 38% населения Бразилии, а в 1970-х годах, — соответственно 11 и 29%⁴⁰.

Пятая часть всех негров и мулатов Западного полушария проживала в 1950 г. на Больших и Малых Антильских островах. Население этих островов, несколько веков являвшихся колониями разных европейских держав, находилось под влиянием культуры своих метрополий. В результате тут сложилось четыре этнокультурных субрегиона: испаноязычный (Куба, Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико), англоязычный (Ямайка, Тринидад, Барбадос, Багамы, Гренада, Сент-Винсент, Сент-Люсия и др.), франкоязычный (Гаити, Мартиника, Гваделупа и др.), голландскоязычный (Кюрасао, Аруба, Бонайре и др.), причем в трех последних субрегионах черные составляют большинство, а вместе с мулатами — не менее 9/10 всего населения, тогда как число белых крайне незначительно. В XIX—XX вв. в Вест-Индию ввезли сотни тысяч индийцев, и в наше время половина жителей Тринидада — их потомки. На Кубе и в Пуэрто-Рико сейчас преобладает белое, а в Доминиканской Республике — мулатское (преимущественно светложее) население. В целом же различное африканское происхождение имеют 3/4 жителей Вест-Индии⁴¹.

Ныне большинство народов Вест-Индии уже освободилось от колониального гнета и создало независимые государства. Однако между этнокультурными субрегионами и отдельными странами Карибского архипелага существуют значительные, обусловленные историческими и иными факторами различия в расовых отношениях. Благодаря тому что в испанских колониях Вест-Индии белые не отделяли себя так жестко от светлых мулатов, здесь гораздо дальше, чем в остальной Вест-Индии, зашли процессы биологической гомогенизации. В результате идеология расового смешения получила толчок от самой действительности. Поэтому и восприятие перспективы окончательной расовой интеграции, во всяком случае в XX в., было совершенно иным, чем у белого населения британских, голландских и французских колоний. В Доминиканской Республике и Пуэрто-Рико разделение между белыми и мулатами было гораздо менее жестким, чем в остальной Вест-Индии. В связи с образованием здесь цветовой «непрерывности» определение того, кто является белым, во всяком случае в отношении светлых мулатов, было более эластичным. Так, бежавших из Республики Гаити мулатов в соседней Доминиканской Республике принимали как белых. В 1950-х — начале 1960-х годов более 10% всех браков в ней заключались между белыми и мулатами⁴².

³⁸ Stern. 17. April 1986. № 17. S. 44.

³⁹ Garcia-Zamor J. C. Op. cit. P. 248, 251; Foner P. S. Op. cit. P. 183; Knight F. W. The African Dimensions... P. 92.

⁴⁰ Knight F. W. The African Dimension... P. 47, 85, 87, 92; Foner P. S. Op. cit. P. 171, 182.

⁴¹ Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982. С. 10—11.

⁴² Hoetink H. Op. cit. P. 102, 105; Seda Bonilla E. Op. cit. P. 569, 597.

Неслучайно поэтому основное различие в расовых отношениях между испаноязычными и остальными странами Вест-Индии голландский социолог Г. Хутинк видит «в большей степени смешения между белыми и другими социально-расовыми слоями, а также в связанном с этим обстоятельством самом определении „белизны“»⁴³. В другой своей работе он справедливо, на наш взгляд, замечает, что «одно и то же лицо может считаться белым в Доминиканской Республике или Пуэрто-Рико..., „цветным“ (т. е. мулатом.— Э. Н.) на Ямайке, Мартинике или Кюрасао ... (и) может называться „негром“ в Джорджии»⁴⁴.

По-видимому, это отличие испаноязычного субрегиона было важной, хотя и не единственной, разумеется, причиной более быстрой этнической и национальной консолидации его населения, а также отсутствия там в последние полвека причин, способствовавших «расовой окраске» движений социального протеста, как это имело место в англоязычной (движение «Назад — в Африку!», растафаритов, «Власть — черным!») и Французской Вест-Индии (негритюд).

Наконец, с той же особенностью расовых отношений в испаноязычной Вест-Индии, а отнюдь не только с европейской иммиграцией связано относительно быстрое «побеление» населения. Во всяком случае, на Кубе и в Доминиканской Республике масштабы иммиграции из Европы после середины XIX в. были численно в значительной мере «нейтрализованы» притоком в XX в. негроидов из Гаити и Британской Вест-Индии. Поэтому зафиксированное в переписях испаноязычной Вест-Индии неуклонное «побеление» населения некоторые авторы объясняют продолжительным переходом светлых мулатов там в качестве брачных партнеров в социально-расовую группу «белых», а также продолжающимся численным ростом мулатского населения вследствие процесса физического смешения (необязательно на основе социального равенства и брака) между самыми темнокожими и более светлокожими группами. И в этой связи Г. Хутинк приводит слова американского социолога В. Кэнмена, полагающего, что «главное практическое различие между англоамериканской и латиноамериканской позицией по расовому вопросу заключается скорее в отношении к мулатам, чем к неграм» (курсив наш.— Э. Н.)⁴⁵.

В Доминиканской Республике крупного плантационного хозяйства в колониальный период не было, а рано начавшийся процесс мисцегенации зашел весьма далеко еще в XIX в. Поэтому уже тогда и особенно в XX в. доля негров (не говоря уже о мулатах) в правительстве и армейской верхушке, среди общественных деятелей и лиц свободных профессий была там значительно большей по сравнению с другими испаноязычными странами или Бразилией. Но и среди доминиканцев, этой «единственной мулатской нации мира», как назвал ее А. Перес Кабраль, соматическим нормативом все еще считается облик белого европейца⁴⁶.

Пуэрто-Рико четыре века был испанской колонией и без малого век является фактической колонией США. Рабы никогда не составляли здесь более $\frac{1}{7}$ населения, а доля негров и мулатов сократилась в процессе мисцегенации с 53% в 1802 г. до 20% в 1960 г. Еще в конце XIX в. в их руках находилось более трети всей собственности в Пуэрто-Рико⁴⁷. «Вероятно, нигде,— по признанию Ф. Найта,— негативный результат влияния США на расовые отношения не был более резко выражен, чем на маленьком карибском острове Пуэрто-Рико. Хотя он никогда и не был расовым раем, это было место, где вопрос о расовой принадлежности имел минимальное значение до тех пор, пока в начале XX в. остров не оказался под прямым политическим и экономическим контролем США»⁴⁸.

⁴³ Hoetink H. Op. cit. P. 31.

⁴⁴ Hoetink H. The Two Variants in Caribbean Race Relations. L.; N. Y., 1967. P. XII. См. также Mintz S. W. Op. cit. P. 315.

⁴⁵ Hoetink H. Op. cit. P. 100—101, 113.

⁴⁶ Mejia Ricart M. A. Las clases sociales en Santo Domingo. Ciudad Trujillo, 1953. P. 27—38.

⁴⁷ Mintz S. W. Op. cit. P. 34; Knight F. W. The African Dimension ... P. 100—102.

⁴⁸ Knight F. W. The African Dimension... P. 100; Hoetink H. Op. cit. P. 105.

Расовые предрассудки стали тут неотъемлемой частью жизни, и различия в цвете кожи играют важную роль в общественной деятельности и семейно-брачных отношениях. А поскольку в США даже «белых» эмигрировавших туда пуэрториканцев рассматривают как «негров», то не только они сами, но и многие пуэрториканцы на родине отказываются от «ибероамериканского» соматического норматива в пользу господствующего североамериканского⁴⁹.

Что касается Кубы, то переход ее на рубеже XIX и XX вв. под политический и военный, а позже также экономический и идеологический контроль империализма «янки» тоже радикально повлиял на дальнейшее развитие там расовых отношений. Формально кубинские законы запрещали дискриминацию по расовому признаку, однако при всем том, хотя официально это отрицалось, скрытые формы ее существовали. Неслучайно именно черные кубинцы составляли всегда большинство бедняков и безработных в стране. Отмечая, что к концу 1950-х годов темнокожее население оказалось забытой частью кубинского общества, тот же Ф. Нйт в середине 1970-х годов писал: «Тенденции развития социально-расовых отношений на Кубе можно было изменить только путем революционной перестройки общественной структуры, которая бы открыла беднякам и черным возможности для социального и культурного подъема. Это и есть то, что попытался сделать Фидель Кастро»⁵⁰. Отметив, что революция обеспечила всем кубинцам независимо от цвета кожи равные и реальные гражданские, политические, социально-экономические права, Нйт далее констатировал, что «кубинский социализм, создав или, по крайней мере, пытаясь создать новое общество, эффективно устранил традиционные разграничения, основанные на расовой принадлежности, цвете кожи и экономическом положении»⁵¹.

В отличие от Кубы или Пуэрто-Рико в Британской Вест-Индии к концу эпохи рабства белое население было крайне малочисленно и в последующие полтора века продолжало сокращаться. Как и в период рабства, эндогамия в семейно-брачных отношениях, а также социально-расовая изоляция белой элиты в XIX—XX вв. оставались там практически безусловными. Но поскольку в белом населении заметно преобладали мужчины, то внебрачные союзы их с темнокожими женщинами немало способствовали дальнейшему росту мулатского населения.

После отмены рабства негры и темнокожие мулаты по-прежнему оставались на нижних ступенях социальной лестницы. Однако светлокожие мулаты и теперь занимали привилегированное положение. В этом отношении социально-расовая структура населения в Британской Вест-Индии была гораздо ближе к испаноязычной Вест-Индии или Бразилии, чем к США. Вплоть до обретения британскими колониями в Карибском регионе в 1960—1970-х годах независимости крошечная группа белых, опираясь на светлокожее и «коричневое» мулатское меньшинство, из представителей которого рекрутировались чиновники среднего и нижнего звеньев колониальной администрации и полиции, господствовала над темнокожим большинством населения. По свидетельству североамериканского этнографа М. Смита и ямайского ученого Ф. Энрикеса, «высший класс» на Ямайке и Британских Малых Антилах состоял в первой половине XX в. из «белых и светлокожих мулатов», «средний класс» — из коричневых и отчасти черных, «низший класс» — из черных⁵².

Нельзя не заметить, таким образом, что расовые отношения и процесс интеграции потомков ввезенных в Западное полушарие африканцев развивались в разных странах Америки после отмены там рабства различно. В странах Латинской Америки освободительные движения и отмена раб-

⁴⁹ Mintz S. W. Op. cit. P. 56—57; Hoetink H. Op. cit. P. 198; Knight F. W. The African Dimension... P. 104—105; Этнические процессы в странах Карибского моря. С. 180—199.

⁵⁰ Knight F. W. The African Dimension... P. 99.

⁵¹ Ibid. P. 99, 100; American Sociological Review. February 1966. V. 31. № 1. P. 43—48.

⁵² Smith M. G. Stratification in Grenada. Los Angeles, 1965. P. 16; Race and Class in Post-Colonial Society. UNESCO. P., 1978. P. 63, 69, 122.

ства наряду с некоторыми другими рассмотренными выше факторами способствовали ослаблению расовых барьеров, что даже в условиях буржуазного общества в большей или меньшей мере облегчило для их темнокожего населения сложный процесс ассимиляции и интеграции в состав нации. Между тем в США этого не произошло. Наоборот, вскоре после Гражданской войны и отмены рабства расовые барьеры были в южных штатах, где проживало тогда более 9/10 темнокожего населения, не только восстановлены, но и подкреплены соответствующим законодательством, получившим название «системы Джим Кроу». А с переселением в XX в. миллионов афроамериканцев США в северные и западные штаты расовая сегрегация и дискриминация утвердились во всей стране. Только в результате длительной и потребовавшей многих жертв борьбы за гражданские права афроамериканцы США добились к концу 1960-х годов законодательной ликвидации «системы Джим Кроу». Однако это не помешало сохранению там и поныне фактической расовой дискриминации, сегрегации афроамериканцев в черных гетто, засилья белого расизма, сознательно поддерживаемого правящими в стране кругами.